

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО
Политические институты, процессы и технологии
POWER, POLITICS, STATE
Political institutions, processes and technologies

Научная статья
УДК 327

Политические науки

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2\(20\)-213-224](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-213-224)

Германия на пути к перевооружению: трансформация политики безопасности в контексте стратегической культуры

Ольга Владимировна Агафонова ✉

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

olga.agafonova92@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8460-8555>

Аннотация. В современных исследованиях европейской безопасности одним из наиболее актуальных и дискуссионных вопросов является определение динамики и характера деятельности ФРГ по обеспечению своей обороноспособности. «Смена эпох» как новый этап в оборонной политике Германии послужила импульсом к масштабному процессу доктринального переосмысления немецкой политики безопасности. Его нормативным воплощением стали первая в истории ФРГ Стратегия национальной безопасности и Военная стратегия, закрепившие курс на наращивание оборонного потенциала страны и переосмысление ее роли в системе евроатлантической безопасности. Центральный исследовательский вопрос состоит в том, является ли наращивание военного потенциала ФРГ проявлением милитаризации или же представляет собой оборонительную адаптацию в рамках исторически сложившейся стратегической культуры страны.

Опираясь на концепцию стратегической культуры, статистические данные об оборонных расходах ФРГ, положения официальных документов, автор дает альтернативную интерпретацию происходящего, квалифицируя его как «переходная нормализация». Она подразумевает наращивание военного

потенциала при сохранении основополагающих паттернов немецкой стратегической культуры: многосторонности, союзной лояльности и правового подхода к безопасности. Исторически сложившаяся немецкая стратегическая культура рассматривается как нормативный и концептуальный контекст текущих изменений, по своей сути контрастирующий с (ре-)милитаризацией. Оцениваются вероятность и перспективы обретения Германией статуса лидирующей конвенциональной военной державы на территории Европы в структуре НАТО. Наблюдаемые в настоящий момент темпы и планы по перевооружению интерпретируются как давно назревавшие меры по укреплению обороноспособности ФРГ, проблемы которой занимали ранее скорее второстепенные позиции в немецкой политической повестке дня.

Ключевые слова: Германия, политика безопасности, стратегическая культура, перевооружение, «смена эпох», военные расходы, «переходная нормализация»

Для цитирования: Агафонова О.В. Германия на пути к перевооружению: трансформация политики безопасности в контексте стратегической культуры // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2(20). С. 213-224, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2\(20\)-213-224](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-213-224)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2\(20\)-213-224](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-213-224)

Germany on the Way to Rearmament: Transformation of Security Policy within the Framework of Strategic Culture

Olga V. Agafonova ✉

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
olga.agafonova92@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8460-8555>

Abstract. The characterization of Germany's evolving security and defense policy remains one of the most topical and debated issues in modern European security studies. "Zeitenwende" marked a new phase in Germany's security policy, leading to a full-scale process of doctrinal reorientation. It was implemented through a series of official documents, including the National Security Strategy and the Military Strategy, which were released for the first time in Germany. These papers posited the country's commitment to enhancing its defense capabilities and redefining its role within the Euro-Atlantic security architecture. The key research question is whether increasing military capabilities are representative of (re-)militarization or they represent defensive adaptation shaped by a historically embedded strategic culture.

The author devises an alternative explanation basing on the concept of strategic culture, statistical data on German defense expenditure, and the provisions of the main official documents. According to it, the transformation of German security policy can be defined as a transitional normalization, which presumes advance of military capabilities with the framework of core values of German strategic culture, e.g., multilateralism, alliance loyalty, and a rule-based approach to security. Historically shaped strategic culture is regarded as a normative and conceptual context of current changes that contrasts with

(re-)militarization. The research provides assessments to the probability and prospects of Germany taking the leading role as a European conventional military power within NATO. The ongoing rearmament measures and their implications are interpreted as long-overdue measures to address deep-seated defense deficiencies that had previously played a distinctly secondary role in the German political agenda.

Keywords: Germany, security policy, strategic culture, rearmament, "Zeitenwende", military spending, "transitional normalization"

For citation: Agafonova O.V. Germany on the Way to Rearmament: Transformation of Security Policy within the Framework of Strategic Culture. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 2(20): 213-224, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2\(20\)-213-224](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-213-224)

Введение

В настоящее время происходит трансформация политики безопасности и обороны ФРГ на фоне переосмысления Берлином своей роли в европейской системе безопасности. В политическом, общественном и научном дискурсе российского и западного политологического сообщества активизируются дискуссии о происходящем, для характеристики которого используются термины «милитаризация», «ремилитаризация» и «перевооружение». Нередко они используются как взаимосвязанные или взаимозаменяемые, понятийное разграничение между ними достаточно размыто, из-за чего не учитываются принципиальные качественные различия между ними. В связи с этим уточним смысловую нагрузку каждого из концептов.

Милитаризм как феномен включает в себя широкий спектр явлений: от идеологии, в которой интересы подготовки и ведения войны безусловно доминируют над политикой и гражданской сферой, до совокупности социальных установок, характеризующих образец общества в совокупности [3]. Согласно определению данного феномена, представленному в «Российском словаре современного политического языка», при милитаризации происходит, с одной стороны, безусловное подчинение социальной жизни общества потребностям подготовки к будущей войне и, с другой стороны, использование методов вооруженной борьбы для достижения политического господства и гегемонии¹. Ремилитаризация – историко-контекстуальный концепт – предполагает не просто оборонный потенциал, но и возврат к военной силе после периода демилитаризации, то есть контекстуально применим к государствам, прошедшим через разоружение. Его использование требует особой осторожности ввиду семантики «возврата к былой военной мощи» [15]. Перевооружение трактуется как количественный и технический процесс наращивания обороноспособности государства вне зависимости от идеологических целей и социальных последствий [13].

¹ Российский словарь современного политического языка / под ред. А.Ю.Шутова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2025. С. 158.

Целью данного исследования является концептуально-аналитическое осмысление трансформации политики безопасности и обороны ФРГ в контексте укрепления ее оборонного потенциала через призму стратегической культуры. Актуальность данного исследовательского вопроса определяется комплексом факторов: изменениями и турбулентностями на геополитическом ландшафте, принципиальным изменением структуры финансирования немецкой обороны, принятием ряда концептуальных документов, таких как Стратегия национальной безопасности в 2023 г. и Военная стратегия в 2026 г. Важно подчеркнуть, что данные документы были разработаны впервые в истории Германии.

Материалы и методы

Методологическая база исследования выстроена в рамках конструктивистского подхода, опирающегося на концепцию стратегической культуры. Анализ стратегической культуры представляет собой познавательный инструмент, раскрывающий логику выстраиваемого государством политического курса через исследование его норм, ценностей и идентичностей, опосредованных историческим прошлым нации, в том числе ее военным опытом [2]. Эмпирическую базу исследования составляют первичные официальные документы ФРГ, статистические и количественные данные, научные публикации и аналитические доклады.

Исследование имеет несколько методологических ограничений. Первое связано с прогностическим компонентом, который несет высокую степень неопределенности ввиду динамичности и волатильности политической обстановки в Европе. Во-вторых, концепты «переходная нормализация» и «секьюритизация для сдерживания» не имеют устоявшегося статуса и являются авторскими операциональными определениями. В-третьих, статистические данные о запланированных военных расходах ФРГ носят предположительный прогнозный характер и могут быть подвергнуты корректировкам в зависимости от политической конъюнктуры.

Результаты исследования

Концепт стратегической культуры предполагает анализ нуклеарных (основополагающих) принципов, формирующих государственный нарратив, которые включают в себя исторический опыт страны, логику и специфику функционирования ее институтов, общественных установок, детерминирующих подходы к обеспечению национальной безопасности, обороны, военного строительства [10]. В качестве определения данного термина мы будем использовать дефиницию, предложенную профессором В.К.Белозёровым: «Это совокупность норм, идей, способов поведения, которые детерминируют действия государства в сфере внешней политики и политики безопасности» [4, с. 13].

Исследование стратегической культуры ФРГ вызывает особый исследовательский интерес ввиду специфики выстраивания ею идентичности в контексте безопасности, что отличается от стратегических культур других стран (например, Франции, России или Китая) [9]. Формообразующим фактором немецкой стратегической культуры выступает травматический опыт Второй мировой войны и его последующая рефлексия в общественном и политическом сознании. Ее ключевые ценности ассоциируются с мультилатерализмом (многосторонностью) во взаимоотношениях со странами-партнерами, стремлением к консенсусу и верностью союзническим обязательствам, приверженностью институтам, выраженным и устойчивым антимилитаризмом, базирующемся на комплексе вины и недопустимости возникновения или развязывания войны ("nie wieder Krieg"). Учитывая эти паттерны, неудивительно, что ФРГ долгое время характеризовалась как «гражданская держава», идентичность которой выстраивается на многостороннем подходе, усилении роли институтов, сдержек и противовесов в принятии решений, наднациональной интеграции, а также на акценте на невоенные методы урегулирования кризисов и конфликтов при достаточно ограниченном применении военной силы, использование которой не исключается. Иными словами, утвердившиеся в послевоенной Германии концепции о недопустимости развязывания войны, преодолении прошлого, «гражданской державы» и «культурного сдвига» свидетельствуют скорее об отрицании милитаризма, а не военной силы как таковой [1].

Объединение Германии стало новым этапом политики безопасности и обороны страны, который развивался под эгидой «нормализации» ФРГ с точки зрения обращения к широкому инструментарию кризисного и конфликтного реагирования, включающего не только невоенные методы, но и участие бундесвера в военных операциях НАТО (например, на Балканах в 1990-е гг. или затем в Афганистане). Учитывая исторический контекст, подобное участие в международных делах не обходилось без ограничений, дискуссий, оговорок и даже скепсиса со стороны стран-партнеров, таких как Франция и Великобритания [17]. Вместе с тем наблюдалась и активизация оборонной политики ФРГ, расширение сферы ее интересов в вопросах обеспечения безопасности. Они более не были лимитированы национальными границами, что фиксировалось в доктринальных документах, таких как Белая книга безопасности (в 2006 и 2016 гг.), Директива по оборонной политике (начиная с 2003 г.). Подобная динамика носила ограниченно-реформаторский характер, не выходящий за сложившиеся на протяжении десятилетий концептуальные рамки.

Ключевым событием в политике безопасности и обороны ФРГ стала «смена эпох», провозгласившая перелом в феврале 2022 г., чему способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, после окончания холодной войны Германия вполне объяснимо пользовалась «дивидендами мира»: финансирование обороны выступало долгое время вопросом «второго порядка», уступая место таким ситуативно наиболее насущным проблемам, как экономическая и социальная политика (особенно учитывая факт, что объединение разделенной страны не ограничивалось

подписанием документов, а несло существенную нагрузку на бюджет). Закономерным следствием стало планомерное сокращение военного бюджета, который с 2005 по 2018 г. стабильно держался на уровне 1,1–1,2% ВВП², что являлось историческим минимумом для объединенной Германии. Другой мерой, вполне согласующейся с немецким позиционированием как «гражданской державы», стала отмена призыва на воинскую службу в 2011 г. Помимо этого, к 2022 г. бундесвер стал испытывать дефицит боеприпасов, запасных частей и несовместимости устаревающей техники. Таким образом, бундесвер к 2022 г. находился в состоянии системного упадка, продолжающегося на протяжении долгого времени³.

Во-вторых, следует упомянуть, что по результатам саммита НАТО в Уэльсе в 2014 г. ФРГ взяла на себя обязательство довести расходы на оборону до 2% ВВП, что не выполнялось вплоть до 2024 г. Следовательно, давление на изменение фискальной политики в области обеспечения безопасности назревало задолго до артикулирования «смены эпох».

В-третьих, «смена эпох» обозначила разрыв с рядом традиционных установок – прежде всего с политикой «изменений через торговлю», предполагавшей нивелирование угроз безопасности через глубокую экономическую и энергетическую взаимозависимость с Россией. Одновременно подтвердились базовые паттерны немецкой стратегической культуры: союзническая лояльность, мультилатерализм, приверженность правовому порядку, что свидетельствует об окончательном принятии Германией нового европейского порядка [11].

В-четвертых, трансформационным процессам в оборонной политике ФРГ способствовала геополитическая турбулентность, набравшая обороты с февраля 2022 г. С одной стороны, она привела к деградации взаимоотношений с Россией, с которой существовали глубокие партнерские отношения, в первую очередь в области экономики и энергетики. В сфере безопасности Москва концептуально воспринималась Берлином в качестве партнера даже при учете некоторого охлаждения взаимоотношений между странами, наблюдавшегося с 2014 г., и квалификации России в качестве вызова безопасности ФРГ в Белой книге политике безопасности и будущего бундесвера 2016 г. Деградация взаимоотношений, начавшаяся в 2022 г., подорвала концептуальные идеи о партнерстве с Москвой, создав тем самым окно возможностей для давно, как полагают некоторые эксперты, назревших, но политически труднодостижимых решений в сфере обороны [11].

Данные об оборонных расходах ФРГ (Таблица) показывают, что в 2024 г. оборонный бюджет составил 88,5 млрд долл., что эквивалентно 1,9% ВВП. В сравнении с 2023 г. прирост составил 28% и 89% в сопоставлении с 2015 г. По объему выделяемых на оборону средств в абсолютных значениях ФРГ впервые после объединения вышла

2 Military expenditure (% of GDP) – Germany. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.XPND.GD.ZS?locations=DE>.

3 14. Bericht des Bundesministeriums der Verteidigung zu Rüstungsangelegenheiten // Bundesministerium der Verteidigung. Dezember 2021. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/5325320/1f15343d355c6d77c332b06f27ebd025/download-14-ruestungsbericht-data.pdf>.

на четвертое место в мире с наиболее крупным бюджетом в Центральной и Западной Европе⁴.

Таблица. Расходы ФРГ на оборону в 2015–2029 гг.
Table. German Defense Spending (2015–2029)

Год	Расходы (млрд \$)	Доля ВВП
2015	\$46,8 млрд	1,2%
2022	\$55,8 млрд	1,4%
2023	\$66,8 млрд	1,5%
2024	\$88,5 млрд	1,9%
2025	\$114 млрд	2,3%
2026	€108 (~\$118) млрд	2,8%
2029	€152–162 (~\$166–177) млрд	3,5%

Источник: данные для таблицы агрегированы автором из годовых отчетов Стокгольмского международного института исследований проблем мира за 2015, 2022, 2023, 2024 и 2025 гг.⁵

Source: The data for the table is Aggregated by the Author from the Annual Reports of the Stockholm International Peace Research Institute for 2015, 2022, 2023, 2024 and 2025.

Обратим внимание, что значительная часть роста военных расходов обеспечивается специальным фондом в 100 млрд евро, который был создан канцлером О.Шольцем в 2022 г. Более того, в марте 2025 г. в Основной закон ФРГ была внесена поправка, согласно которой расходы на оборону, превышающие 1% ВВП, освобождаются от ограничений «долгового тормоза» (механизма, вводящего лимит структурного дефицита федерального бюджета в 0,35% ВВП как гарантию долгосрочной бюджетной дисциплины). Бюджетные планы, утвержденные на 2025 и 2026 гг. (95,1 и 108,2 млрд евро соответственно⁶), являются максимальными показателями финансирования обороны со времен холодной войны. Долгосрочная фискальная политика по обеспечению обороноспособности страны демонстрирует более масштабные намерения. Согласно плану министерства финансов, к 2029 г. оборонный бюджет планируется довести до 152–162 млрд евро⁷, что составит 3,5% ВВП. Таким образом, существует перспектива удвоения номинального оборонного бюджета ФРГ в период с 2025 по 2029 г. Если эти планы будут реализованы, то

4 Unprecedented rise in global military expenditure as European and Middle East spending surges // SIPRI. 28 April 2025. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2025/unprecedented-rise-global-military-expenditure-european-and-middle-east-spending-surges>.

5 SIPRI Military Expenditure Database. Stockholm International Peace Research Institute, 2026. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex>.

6 Deutschland investiert in Verteidigung und stärkt das Bündnis // Bundesministerium der Verteidigung. 26.11.2025. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/deutschland-investiert-in-verteidigung-und-staerkt-das-buendnis-6045046>.

7 German Parliament Approves 2026 Defence Budget // DSEI Gateway. 03.12.2025. URL: <https://dsei-gateway.com/en/news/budget-investment/german-parliament-approves-2026-defence-budget/>.

военный бюджет ФРГ продемонстрирует динамику роста, не имеющую прецедентов среди крупнейших европейских экономик.

Еще одной проблемной точкой в политике безопасности и обороны ФРГ остается состояние и комплектование бундесвера. В этом направлении инициирован ряд крупных закупочных программ: в 2024 г. Берлин одобрил 97 крупных проектов в области оборонных закупок, что является беспрецедентным показателем в истории страны. Совокупный объем одобренных контрактов превышает 58 млрд евро в рамках программ по производству танков, подводных лодок, зенитных ракетных комплексов и другого вооружения⁸. Отрицательная динамика численности личного состава бундесвера, снизившаяся в 2024 г. до показателей в 181 тыс. человек, сменилась ростом в 2025 г., достигнув численности в 184,2 тыс. человек. Военная стратегия ФРГ, представленная в апреле 2026 г., предусматривает увеличение к середине 2030-х гг. численности военнослужащих до 260 тыс. человек и количества резервистов до 200 тыс. человек, что суммарно составит 460 тыс. военнослужащих⁹.

Обсуждение

Интерпретация этих тенденций в научно-аналитическом сообществе остаётся дискуссионной. Ряд исследователей квалифицирует происходящее как (ре-)милитаризацию страны [6–8; 16], отмечая ускоренный рост конвенциональных сил, развертывание новых воинских формирований, перевооружение и увеличение численности бундесвера. Вместе с тем в западных экспертных кругах преобладают более сдержанные оценки, сводящиеся к тезису о перевооружении страны в ответ на новые угрозы безопасности [11; 19]. В пользу этого свидетельствуют сохранение прямого парламентского контроля над бундесвером, встроенность немецкой оборонной политики в архитектуру НАТО, а также неизменность нуклеарных ценностных установок (нуклеарных паттернов) стратегической культуры Германии. Внешнеполитический курс России характеризуется как катализатор ускоренной модернизации оборонного потенциала ФРГ.

Изменения, происходящие в настоящий момент, представляют собой глубокую трансформацию как ресурсного, так и концептуального измерения немецкой оборонной политики [14; 18]. Одновременно сохраняют свое действие ключевые ценности и идеи, заложенные в стратегической культуре страны. Это позволяет предположить, что данные тенденции иллюстрируют «переходную нормализацию» в политике безопасности и обороны, при которой страна отходит от модели

⁸ Germany's Accelerated Military Procurement: What Went Well and What Not // Großwald European Defence Intelligence. 28.03.2025. URL: <https://www.grosswald.org/germanys-accelerated-military-procurement-what-went-well-and-what-not/>.

⁹ Gesamtkonzeption militärische Verteidigung. Militärstrategie und Plan für die Streitkräfte. Verantwortung für Europa // Bundesministerium der Verteidigung. April 2026 // URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/6093766/01b1718498c25db9010ea13724d7a37a/dl-gesamtkonzeption-der-militaerischen-download-deu-data.pdf>.

«гражданской державы» к модели «секьюритизации для сдерживания», где остаются неизменными многосторонний и правовой подход к безопасности при расширении инструментария ее обеспечения. В.К.Белозёров отмечает ключевое противоречие этого процесса: активизация мер по обеспечению безопасности представляется идеологически и ситуативно детерминированной, строящейся на противостоянии России. Как следствие, подобная ситуативность несет определенный риск: выстраиваемая на темпоральной оппозиции и антагонизме стратегическая культура остается уязвимой и не гарантирует долгосрочного стратегического суверенитета, декларируемого немецкой политической элитой [1].

Анализ данных тенденций позволяет очертить перспективы дальнейшего развития политики безопасности и обороны ФРГ. Есть основания полагать, что взятый Берлином курс на военное строительство будет последовательно реализовываться, пусть и неравномерно. При существующей динамике Германия, по всей видимости, продолжит усиление своей обороноспособности посредством наращивания оборонного бюджета, расширения численного состава бундесвера и модернизации парка военной техники. В пользу этого предположения свидетельствует и контекст обеспечения обороны европейского региона с опорой на НАТО, в которой роль и степень вовлеченности США остаются неопределенными. В связи с этим немецкий нарратив базируется на идее, что именно Европа ответственна за обеспечение собственной безопасности, а ФРГ должна стать ее краеугольным камнем за счет развития самой сильной европейской конвенциональной армии [5]. Нельзя исключать и обратный, менее вероятный, сценарий, когда намеченные планы военного строительства будут существенно замедлены или приостановлены. На это могут повлиять внутривнутриполитические факторы, в первую очередь связанные с экономическими трудностями, а также гипотетический рост популярности и влияния партий, выступающих против наращивания военных расходов («Альтернатива для Германии» или «Союз Сары Вагенкнехт»). Данный сценарий может найти свою репрезентацию в случае нормализации ситуации на Украине, что вызовет замедление реализации принятых мер по усилению обороноспособности ФРГ. В то же время надо уточнить, что принятые в рамках «смены эпох» конституционные изменения и новые доктринальные документы, а также существующие структурные обязательства перед НАТО делают полную ремиссию практически невозможной.

Выводы

Трансформационные процессы, происходящие в вопросах поддержания обороноспособности ФРГ, представляют собой один из наиболее примечательных и значимых сюжетов в европейской архитектуре безопасности. В настоящее время Германия эксплицитно декларирует готовность к ведению относительно проактивного вектора своей политики безопасности и обороны, претендуя на роль потенциально сильнейшей конвенциональной европейской армии. С концептуальной

точки зрения происходящее не является милитаризацией, при которой происходили бы абсолютизация и проникновение военного нарратива во все сферы жизни немецкого общества. Скорее можно отметить перевооружение страны в смысле сосредоточения усилий на вопросах укрепления обороноспособности (увеличение расходов, модернизация комплектования и численное наращивание личного состава и воинских формирований и т.д.), которые ранее не занимали весомого места (а порой ими пренебрегали) в политической повестке дня. Данный факт указывает в большей степени на «нормализацию» немецкой стратегической идентичности, которая движется от модели «гражданской державы» в сторону секьюритизации.

Список литературы

1. Белозёров В.К. Германия конструирует стратегическую культуру [Germany Building a Strategic Culture] // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5. С. 166–177. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177>.
2. Белозёров В.К. Методы анализа стратегических культур [Methods of Analysis of Strategic Cultures] // Контуры глобальных трансформаций. 2022. Т. 15. № 5. С. 29–49. <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.05.02>.
3. Белозёров В.К. Образ будущей войны в политических идеологиях и государственных стратегиях [Image of Future War in Political Ideologies and State Strategies] // Выбор долгосрочной стратегии в условиях глобальной нестабильности и цивилизационное наследие России: коллективная монография по материалам XV Международных Панаринских чтений / отв. ред. В.Н.Расторгуев; науч. ред. А.В.Никандров; Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва; МГУ им. М.В.Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт Наследия, 2018. С. 106–123.
4. Белозёров В.К. Стратегическая культура в общественно-политическом и научном дискурсе немецкоязычных стран [Strategic Culture in the Socio-Political and Scientific Discourse of German Speaking Countries] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 1. С. 10–18. https://doi.org/10.52070/2500-347x_2022_1_846_10.
5. Белозёров В.К. Abwehr или Drang? К выходу первой в истории Германии Военной стратегии [Abwehr or Drang? Following the Release of First German Military Strategy] // Россия в глобальной политике. 30.04.2026. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/abwehr-ili-drang-belozorov/>.
6. Германия. 2023 [Germany. 2023]: монография / [В.Б.Белов и др.]. М.: Ин-т Европы РАН, 2024. 194 с. https://doi.org/10.15211/report22024_408.
7. Ознобищев С.К., Климов В.А. «Новая» милитаризация Европы? [“New” Militarization of Europe?] // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 12. С. 14–25. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-12-14-25>.
8. Трунов Ф.О. Тенденции милитаризации европейских «либеральных демократий» [Militarization Tendencies Among European “Liberal Democracies”] // Международная жизнь. 2025. № 10. С. 46–59.
9. Ухорская А.И., Кирилина Е.Ю., Кожухова К.Е. Антиномии стратегических культур Запада и Востока (на примере Германии, Франции и Китая) [Antinomies of the Strategic Cultures of the West and the East (On the Example of Germany, France, and China)] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21. № 1. С. 110–117. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-110-117>.
10. Berger T. Cultures of Antimilitarism. Johns Hopkins University Press, 2003. 272 p. <https://doi.org/10.56021/9780801858208>.
11. Bunde T. Zeitenwende as a Foreign Policy Identity Crisis: Germany and the Travails of Adaptation after Russia’s Invasion of Ukraine // The British Journal of Politics and International Relations. 2025. Vol. 27. № 4. P. 1223–1246. <https://doi.org/10.1177/13691481241311568>.
12. Etzold T. Germany’s Security and Defence Policies after the Zeitenwende: New Government, New Direction? Report – 4 / 2025 // Norwegian Institute of International Affairs. 2025. URL: https://www.nupi.no/content/pdf_preview/30288/file/NUPI_report_4_2025_Etzold.pdf.
13. Fiott D. Europe’s Rearmament Dilemmas // Current History. 2026. Vol. 125, № 869. P. 87–92. <https://doi.org/10.1525/curh.2026.125.869.87>.

14. Fix L. The End of Civilian Power // Germany and Nuclear Weapons in the 21st Century. London: Routledge, 2024. P. 38–57. <https://doi.org/10.4324/9781003341161-4>.
15. Helferich J. The (False) Promise of Germany’s Zeitenwende // European View. 2023. Vol. 22, № 1. P. 85–95. <https://doi.org/10.1177/17816858231157556>.
16. Käßmann M. Schleichende Militarisierung. Beobachtungen zur Veränderung der Zivilgesellschaft // APuZ. 2024. 47–48 / 2024. S. 41–46.
17. Maull H. Germany and the Use of Force: Still a “Civilian Power”? // Survival. 2000. Vol. 42. № 2. P. 56–80. <https://doi.org/10.1093/survival/42.2.56>.
18. Maull H.W. Noch Zivilmacht?: die Außen- und Sicherheitspolitik der Bundesrepublik Deutschland // SWP-Studie 13 / 2025. 2025. S. 1–36. <https://doi.org/10.18449/2025S13>.
19. Mello P.A. Zeitenwende: German Foreign Policy Change in the Wake of Russia’s War Against Ukraine // Politics and Governance. 2024. Vol. 12. P. 7346. <https://doi.org/10.17645/pag.7346>.

Информация об авторе

АГАФОНОВА Ольга Владимировна. Соискатель кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук; научный сотрудник Центра социоконгнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета. <https://orcid.org/0000-0001-8460-8555>. Адрес: Российская Федерация, 119034, г. Москва, Остоженка, 38, стр. 1. olga.agafonova92@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 5 мая 2026 г. Одобрена после рецензирования: 20 мая 2026 г. Принята к публикации: 25 мая 2026 г. Опубликована: 1 июня 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Belozerov V.K. Germany Building a Strategic Culture. Rossiya v global’noj politike [Russia in Global Affairs]. 2023; 21(5):166–177 [In Russian]. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177>.
2. Belozerov V.K. Methods of Analysis of Strategic Cultures. Kontury global’nyh transformacij [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law]. 2022; 15(5):29–49 [In Russian]. <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.05.02>.
3. Belozerov V.K. Image of Future War in Political Ideologies and State Strategies. In Options for Long-Term Strategy in Conditions of Global Instability and Russian Civilizational Heritage: Collective Monography Following XV International Panarin Readings, Eds.: V.N.Rastorguev, A.V.Nikandrov. Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Lomonosov Moscow State University. Moscow: Institut Naslediya [Heritage Institute]. 2018:106–123 [In Russian].
4. Belozerov V.K. Strategic Culture in the Socio-Political and Scientific Discourse of German Speaking Countries. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences]. 2022; 1:10–18 [In Russian]. https://doi.org/10.52070/2500-347x_2022_1_846_10.
5. Belozerov V.K. Abwehr или Drang? Following the Release of First German Military Strategy. Rossiya v global’noj politike [Russia in Global Affairs]. 30.04.2026 [In Russian]. Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/abwehr-ili-drang-belozorov/>.

6. Germany. 2023: monograph. [V.B.Belov et al.]. Moscow: In-t Evropy RAN [Institute of Europe of RAS], 2024. 194 p. [In Russian]. https://doi.org/10.15211/report22024_408.
7. Oznoibishchev S.K., Klimov V.A. "New" Militarization of Europe? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2024; 68(12):14–25 [In Russian]. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-12-14-25>.
8. Trunov F.O. Militarization Tendencies Among European "Liberal Democracies". *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Life]. 2025; 10:46–59 [In Russian].
9. Ukhorskaya A.I., Kirilina E.Yu., Kozhukhova K.E. Antinomies of the Strategic Cultures of the West and the East (On the Example of Germany, France, and China). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology]. 2021; 21(1):110–117 [In Russian]. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-110-117>.
10. Berger T. *Cultures of Antimilitarism*. Johns Hopkins University Press, 2003. 272 p. [In English]. <https://doi.org/10.56021/9780801858208>.
11. Bunde T. Zeitenwende as a Foreign Policy Identity Crisis: Germany and the Travails of Adaptation after Russia's Invasion of Ukraine. *The British Journal of Politics and International Relations*. 2025; 27(4):1223–1246 [In English]. <https://doi.org/10.1177/13691481241311568>.
12. Etzold T. Germany's Security and Defence Policies after the Zeitenwende: New Government, New Direction? Report - 4 / 2025. Norwegian Institute of International Affairs. 2025 [In English]. Available from: https://www.nupi.no/content/pdf_preview/30288/file/NUPI_report_4_2025_Etzold.pdf.
13. Fiott D. Europe's Rearmament Dilemmas. *Current History*. 2026; 125(869):87–92 [In English]. <https://doi.org/10.1525/curh.2026.125.869.87>.
14. Fix L. *The End of Civilian Power. Germany and Nuclear Weapons in the 21st Century*. London: Routledge, 2024:38–57 [In English]. <https://doi.org/10.4324/9781003341161-4>.
15. Helferich J. The (False) Promise of Germany's Zeitenwende. *European View*. 2023; 22(1):85–95 [In English]. <https://doi.org/10.1177/17816858231157556>.
16. Käßmann M. Schleichende Militarisierung. *Beobachtungen zur Veränderung der Zivilgesellschaft*. *APuZ*. 2024; 47–48 / 2024:41–46 [In German].
17. Maull H. Germany and the Use of Force: Still a "Civilian Power"? *Survival*. 2000; 42(2):56–80 [In English]. <https://doi.org/10.1093/survival/42.2.56>.
18. Maull H.W. *Noch Zivilmacht?: die Außen- und Sicherheitspolitik der Bundesrepublik Deutschland*. SWP-Studie. 2025; 13 / 2025:1–36 [In German]. <https://doi.org/10.18449/2025S13>.
19. Mello P.A. *Zeitenwende: German Foreign Policy Change in the Wake of Russia's War Against Ukraine*. *Politics and Governance*. 2024; 12:7346 [In English]. <https://doi.org/10.17645/pag.7346>.

About the author

Olga V. AGAFONOVA. Postgraduate student of the Department of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences; Researcher of the Centre for Socio-Cognitive Discourse Studies at Moscow State Linguistic University. <https://orcid.org/0000-0001-8460-8555>. Address: Build. 1, Ostozhenka str., 38, Moscow, 119034, Russian Federation. [olga.agafonova92@gmail.com](mailto:agafonova92@gmail.com)

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: May 5, 2026. Approved after peer review: May 20, 2026. Accepted for publication: May 25, 2026. Published: June 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work